

Гиви Гамбашидзе: «Впервые наша фамилия фиксируется в начале XI века»

Так получилось, что за последние три недели мне удалось побывать во многих регионах Кавказа, в том числе и в Грузии. Началась поездка с участия в традиционной научной конференции «Археология, этнология, фольклористика Кавказа», которая прошла 24—28 июня в Тбилиси. Основным организатором данной конференции стал «Фонд Кавказа», руководителем которого является известный в Дагестане грузинский археолог Гиви Гамбашидзе. Поскольку Гиви Гайозович значительную часть своей жизни провел на археологических раскопках в республике, является почетным гражданином Хунзаха и большим патриотом не только Грузии, но и всего Кавказа, разговор с ним, как мы думаем, будет небезынтересен для дагестанского читателя.

О корнях

— Гиви Гайозович, хотелось бы, чтобы вы рассказали о себе, о своей семье, точнее об отце, деде, о вашей фамилии, о том, как вы пришли в археологию...

— Прекрасный вопрос! (смеется) Я хочу вам сказать, что впервые моя фамилия фиксируется в начале XI века. Известный ученый и общественный деятель Еквтиме Такайшвили нашел в Сванети, это северно-западная часть Грузии, во время изысканий в 1910-х годах икону, имеющую огромное значение. Кстати, фотография этой иконы у меня сейчас здесь. На этой иконе с изображением Богоматери упоминается, что мой древний предок был епископом Сванети. В надписи упоминается также великий царь Баграт III, первый объединитель Грузии. Так вот, согласно этим надписям был такой епископ Давид Гамбашидзе. Но я еще хочу сказать, что в основном и в XIX веке были церковные деятели из моего рода, семьи, а мой отец был историком.

— И вы пошли по его стопам?

— Да, можно сказать, по воле Всевышнего я стал историком, археологом. С первого же курса я начал принимать участие в археологических раскопках в разных частях Грузии. В 1969 году, когда я поступил в аспирантуру, мой учитель, известный археолог Гиорги Ломтатидзе, пригласил меня к себе, предложил поехать в Ингушетию, где на тот момент велись реставрационные работы известного на всем Северном Кавказе христианского храма Ткобья-Ерда. Так как я был альпинистом и археологом, он направил меня туда. Вот так я оказался в Ингушетии. Я начал изучать вопросы культурно-исторических и конфессиональных взаимоотношений средневековой Грузии и Северного

Кавказа. Изучение Ткобья-Ерда мне показало огромные глубины грузино-вайнахских культурно-исторических взаимоотношений, и вот тогда я чрезвычайно заинтересовался вопросами истории народов Северного Кавказа. В 1975 или 1976 году, если я не ошибаюсь, я принял участие в так называемых «Крупновских чтениях», которые тогда начались на Северном Кавказе и, к счастью, проводятся до сих пор, как и наша Международная конференция.

— Тогда вы впервые и побывали в Дагестане?

— Да. Будучи на «Крупновских чтениях» в Махачкале, известные археологи Владимир Кузнецов и Владимир Котович предложили мне начать изучение вопросов, связанных с христианской культурой в Дагестане. Дело в том, что известный археолог Дибир Атаев, ныне покойный, проложил большой путь в изучении христианства в Аварии. Эти люди в какой-то степени определили мою судьбу, особенно академики Гаджи Гамзатов и директор Тбилисского института истории, археологии и этнографии Гиорги Меликишвили. Они подписали договор, и мы создали объединенную дагестано-грузинскую археологическую экспедицию. Целью этой экспедиции было и остается изучение исторических взаимоотношений между Грузией и Дагестаном, в частности между аварцами и грузинами. Я особенно хочу подчеркнуть, что в этом деле немалая заслуга моего побратима Данияла Магомедова, с которым мы вместе в течение долгих лет изучали и проводили раскопки, известного языковеда Казбека Микаилова, который всегда участвовал в наших экспедициях. Особенно хочу отметить хунзахского краеведа, великолепного ученого и прекрасного человека Алибека Казанбиева. Без их помощи мы бы не смогли раскрыть существенный пласт истории Дагестана, и я хочу сказать вам, что я очень счастливый человек. Трудно передать радость ученого, когда открываешь что-то новое, притом большую культуру. Это огромная культура во всех отношениях. Хочу подчеркнуть одну деталь: в мировой практике изучения средневековья считается, что элементами городской культуры были кольца и браслеты из стекла. В Европе они встречаются только среди украшений городских женщин, а в Грузии и Аварии — на каждом шагу. То же касается и керамических труб, по которым текла вода по территории всего Хунзаха, и даже мелких сельских церквушек, покрытых плоской и желобчатой черепицей, притом глазурованной. А это показатель наивысшей культуры.

Также хочу коснуться человеческих отношений. Вот та культура современных дагестанцев, которую мы видим в Хунзахе, моих коллег в Махачкале. Каждый мой приезд в Дагестан становился, как сейчас это называется, «предметом народной дипломатии». Это просто моя жизнь, биография, отношения с этими великолепными людьми, местными жителями, несмотря на то, были ли это важные чиновники или простые люди, они дарили мне человеческое тепло, были доброжелательно настроены по отношению ко мне. В заключение я хочу сказать, что в моем офисе висит почетная грамота почетного гражданина Хунзаха. Невозможно выразить мою благодарность хунзахцам. Всю мою оставшуюся жизнь я буду, как и до сих пор, в течение многих десятилетий делать все, чтобы как-то отплатить добром моим дорогим хунзахцам, моим дорогим дагестанцам. Я сам как историк придерживался этой концепции, которая дается великим грузинским историком XI века Леонти Мровели, его книгу мы подарили всем участникам конференции. Его «История Грузии» начинается с того, что у всех кавказских народов был единый праотец, потомок библейского Ноя, Таргамос, и все коренные кавказские народы — его дети. То есть мы братья по крови, и об этом никогда не следует забывать. Несмотря на сегодняшние, вчерашние или будущие политические изменения. И для меня это очень ценно в сегодняшнем мире глобализации. Если вернуться к вопросу «Фонда Кавказа», как раз цель Фонда — поднимать из глубин веков и развивать человеческие отношения между кавказскими народами. Мы должны показать всему миру нашу культуру, нашу общекавказскую цивилизацию, которая и для нас также ценна и нова во многих отношениях, как и для остального мира. Мы в полной мере не знаем, какими богатствами располагаем...

— Батоно Гиви, в Дагестане вы известны, в частности, открытием храма на горе Акаро. Благодаря вам дагестанцы многое узнали о христианском прошлом нашего края.

— Эта находка на Акаро, всю эту радость... я не знаю, чем заслужил. На горе Акаро мы раскопали огромный храм, покрытый в свое время глазурованной черепицей и огромным количеством надписей и так далее. А главное — у нас есть научная версия, что на этой горе был царский дворец правителя Сарира. Моя мечта — чтобы работы дагестано-грузинской объединенной археологической экспедиции продолжались. Мое предположение о том, что на горе Акаро локализуется царская крепость, о которой упоминается у Ибн Руста и Масуди, подкреплено многими аргументами. Два дня назад мы говорили на эту тему с известным историком и этнологом Мамайханом Агларовым. Мы хотим официально предложить новому руководству научного центра Дагестана, известному археологу, члену-корреспонденту АН РФ Хизри Амирханову и руководству института, что будет целесообразно, чтобы возглавил эту экспедицию сын известного ученого, пионера изучения христианства в Аварии, Дибира Атаева, археолог Гамзат Атаев. Хотя он занимается более ранними этапами в археологии, но все-таки он тоже хунзахский, и я хочу, чтобы он продолжил дело своего выдающегося отца и мое дело, а я буду научным консультантом.

— Если не говорить о Кавказской Албании, получается, что наиболее древняя письменность в Дагестане была создана на основе грузинского алфавита. Хотелось бы поговорить с вами об этом факте, спросить, каким веком датируется наиболее ранняя надпись, и хочется, чтобы вы рассказали о грузино-дагестанских языковых связях и о сферах письменности...

— Сразу скажу, что это вопрос профессионального порядка. Большое спасибо за него. Я хочу вам сказать, что в моих изысканиях есть ответ на этот вопрос. Со второй половины X века существуют надписи на крестах, на надмогильных камнях на древнегрузинском алфавите асомтаврули и нусхури. Если взять суммарно, это X—XIV века. Моя концепция такова, что со второй половины X века имманентно происходят эти процессы на Северном Кавказе со стороны Грузии и со стороны Северного Кавказа. Я имею в виду социальные, политические и культурные подвижки. Видимо, как раз во времена Баграта III, а не в XII веке, как в основном указывалось в грузинской историографии и в историографии северокавказских народов. Я думаю, что с конца X по XIV век это была одна конфедерация. Кстати, об этом говорил еще мой учитель Гиорги Ломтатидзе в 1959 году, будучи в Махачкале. У него был прекрасный доклад, который вызвал огромный интерес. Впервые он как раз в Махачкале рассказал о таком государственном образовании. В Передней Азии это был один из таких очень сильных центров. Видимо, речь идет о своего рода кавказской конфедерации.

— А какие страны в тот период входили в кавказскую конфедерацию?

— Северный Кавказ и Грузия были одним государством с X до XV века по всем имеющимся археологическим и письменным данным (имеем в виду государственное и конфессиональное единство). После тамерлановских нашествий вы сами знаете, в каком положении был Кавказ. Грузия распадается на княжества, царства. Распадается вся общность: и гражданская, и государственная, и церковная. И идут уже совсем другие тенденции и в политической сфере, и в культурной. Количество проповедующих христианство идет на убыль. Таким образом, мы отделились друг от друга.

— Вот в дальнейшем, по прошествии нескольких веков после XIV века, где-то, может, в XVI—XVII веках, кроме совместной борьбы против врагов (примеров этого можно привести множество, вплоть до кахетинского восстания 1812 года) у нас были отдельные примеры противоборства, на чем, по моему, делается чрезмерный акцент.

— Знаете, все то же самое происходило тогда и в Европе. Понимаете, когда нет сильной государственной власти, когда народ духовно не объединен на религиозной основе, не имеет значения на какой, происходят междоусобицы, распри и так далее. Например, возьмем «лекианоба» (набеги горцев Дагестана на Закавказье, в частности на Грузию). Она была большой трагедией для Грузии. Но разве не было того же в европейских странах? Понимаете, когда рушатся те основы,

которые нас объединяют, идет обратный процесс, идут негативные тенденции. Мне как историку все это понятно. Мы вот были 3—4 дня назад в Цинандали, в поместье Александра Чавчавадзе. Вы знаете, что там семью Чавчавадзе во время имама Шамиля взяли в плен. Ситуация с набегами, противостоянием объясняется очень просто. Возьмем, например, ситуацию в самой Западной Грузии. Люди воровали друг у друга и продавали на стамбульском рынке. Было же такое?

— Да.

— И в 1990-х годах, например, такие моменты порождались ситуацией на Северном Кавказе.

— То есть во многом это было связано с внутренней нестабильностью и усугублялось внешними факторами...

— Да, внутренняя нестабильность прежде всего порождает весь негатив.

О планах

— Я слышал, у вашего фонда есть намерение помочь в реставрации Датунской церкви в Дагестане?

— Это моя старая мечта. Вы знаете, что это известнейший храм периода X—XI веков. Вы, как и я, знаете, какую роль он играл в истории аварцев. Вот, например, в XIX веке, я это считаю великолепным фактом «экологии культуры», легендарный Шамиль издает указ о том, чтобы наказать виновников осквернения этой церкви.

— Да, это известный исторический факт.

— Это является великолепным фактом самой культуры Дагестана, экологии культуры и еще один прекрасный штрих к портрету великого Шамиля. Хочу отметить, что я в своем архиве нашел письмо Министерства культуры Дагестана, адресованное Министерству культуры Грузии, относится к 1987 году. В нем Х. Гамзатова, заместитель председателя Совета министров Дагестанской АССР, просит наш президиум республиканского совета Общества охраны памятников истории и культуры Грузии о том, чтобы мы вместе провели реставрацию храма. К сожалению, мы не смогли этого сделать. После того как мы, наш фонд, начали действовать, мы обратились к министру культуры Зумруд Сулеймановой с просьбой начать переговоры по поводу восстановления Датунской церкви. Мы получили письмо от министра культуры о том, что, оказывается, Москва выделила финансовые средства для реставрации Датунской церкви и грузинские коллеги-реставраторы будут привлекаться в качестве консультантов. Со своей стороны мы можем помочь, в частности черепицей. Сейчас ее во всем мире делают, но у нас она особенная, мы подыскали черепицу начала XX века, здесь уже опробованную. Я надеюсь, что с Божьей помощью, общими усилиями министерств культуры Дагестана и Грузии и нашего фонда осуществим реставрацию. Может, проведем также археологические раскопки и проведем дорогу к храму. Когда предстанем перед Всевышним, у нас будет кое-что за пазухой.

— Какие еще проекты, связанные с грузино-дагестанскими отношениями или с изучением истории наших взаимоотношений, есть у вашего фонда?

— У нас несколько десятков проектов, которые мы планируем осуществить. Наш фонд существует всего 7—8 месяцев, с ноября прошлого года.

— Да, очень недолго...

— Мы провели очень хорошую грузино-вайнахскую конференцию, выставки рисунков детей из Чечни и так далее. У меня также в проекте пригласить детей из Дагестана, ну хотя бы из Хунзаха, где я являюсь почетным гражданином, для участия в работе археологической экспедиции. Всю ответственность за создание условий для детей беру лично я. У нас есть шесть баз, но сейчас мы можем заполнить лишь четыре в Восточной и Западной Грузии. Я хочу пригласить по 15 молодых ребят из Дагестана, из других северокавказских республик, Москвы, Санкт-Петербурга, а также из Армении, Азербайджана, сроком на две недели. И пусть эти молодые люди, девушки и юноши, работают на археологических памятниках. И, таким образом, получится хорошая культурная программа — ознакомление с Грузией. Я лично буду в одной группе, где все это будет происходить. Я хочу, чтобы эти отношения развивались. Вот что я могу, то я и предлагаю. Я хочу предложить (как раз на днях мы беседовали об этом с моими дагестанскими друзьями), чтобы все кавказские ученые начали — мы уже готовы и морально, и профессионально, я думаю, и в финансовом отношении (наш фонд будет финансироваться) — работу над энциклопедией археологии Кавказа, над энциклопедией этнологии Кавказа. Мы хотим издать на русском языке работы Арнольда Чикобавы, мы хотим финансировать работу его великолепного ученика Мераба Чухуа. Он, кстати, заместитель министра по диаспоре. Мы хотим спонсировать его работу «Этимологический словарь иберийско-кавказских языков».

— Это очень большая работа...

— Моя мечта — показать миру, кто мы такие, кавказцы. Не то, что мы стреляем друг в друга или куда-то в воздух, а показать кавказскую культуру, показать кавказскую цивилизацию. Я хочу сделать это с помощью 52-минутного фильма для телеканала Discovery. В фильме надо показать кавказскую цивилизацию с древнейших времен, показать миру, кто мы такие посредством своих танцев, песен, башенной культуры, архитектуры и так далее. У меня есть такой сценарий, и сейчас, если будет помощь Небес, мы можем снять такой фильм.

— Какова ситуация с научными школами общекавказского уровня, которые существовали в Тбилиси?

— Да, во всем мире известна лингвистическая школа, созданная Арнольдом Чикобавой, были другие школы. Надо восстановить эту традицию. Мы должны вырастить новое поколение ученых-кавказедов. Я думаю, это будет интересно для всего мира, а не только для грузин и дагестанцев. Мы же биографы своих народов, мы археологи, этнологи, языковеды... Мы должны показать самим себе и окружающему миру, что мы из себя представляем. Остальной мир, я думаю, интересуется культурой в сегодняшних условиях общей глобализации. Наши культуры есть наш иммунитет. Я это прямо скажу. И в этом есть интерес со стороны мира к нам и наш интерес в сторону мира. Мы должны сами определить свое место в этом контексте мирового развития.

«В единстве достигается развитие»

— Батоно Гиви, в условиях глобализации для малочисленных кавказских языков возникает довольно серьезная угроза исчезновения. На Кавказе довольно много малочисленных этносов, или субэтносов, которым на протяжении одного поколения грозит исчезновение языка...

— Видите ли, эти новые тенденции мне как гражданину и нравятся, и не нравятся, есть позитивное и негативное. А что связано с языком, то язык — это вообще фейерверк культуры. Если какой-то язык погибнет, это трагедия для всего человечества. Каждая деталь, каждый аспект культуры очень ценен для Всевышнего и для народа. Мы всячески должны стремиться к сохранению нашей культуры в этом отношении, в отношении языка.

— Да. Дополнительная сложность для Дагестана, в отличие от Грузии, — это отсутствие единого языка. Так как слишком много языков, не получается их все одновременно развивать, что в принципе невозможно. Ну, я слабо себе представляю телевидение на сорока языках, хотя наше телевидение умудряется для 800 тысяч человек — носителей одного языка — и для 800 носителей другого выделять одинаково мизерное время, что иначе, как умственной ограниченностью, назвать невозможно. Грузинский язык, как зонтик, оберегает родственные сванский, лазский, мегрельский языки. В Дагестане, в принципе, при доброй воле всех народов тоже можно было бы создать или какой-то новый искусственный язык, или выбрать один из языков в качестве государственного, как в Грузии, например. И развивая один язык, в то же время сохранять другие.

— Я с вами согласен и считаю, что вы должны найти пути для общности, единого поступательного развития, как и для сохранения вашей самобытности, культуры, ваших языков. Также хочу сказать, я много ходил по горам Дагестана. У меня слезы текли, как и в Грузии, когда видел заброшенные дома, опустевшие села, эту великолепную архитектуру, террасную культуру. Это все замечательно, имеет мировое значение, но хранители культуры исчезают, в них живут по нескольку семей. Это губительный процесс, ведь эти старые селения являются хранителями древней самобытной культуры, языка. Это значит, что мы отдаляемся от своих корней. Это наша гордость и наша защита. Я еще раз подчеркиваю, это иммунитет для всех кавказских народов. В итоге урбанизация не принесет для нас большой пользы. Я мечтаю, чтоб создали все экономические и социальные условия, чтобы люди жили бы в этих селах, которые даже визуально вызывают только восхищение.

— Батоно Гиви, я не так долго был в Грузии, но заметил один довольно интересный момент. Даже учитывая, что часть грузин — сваны и мегрелы — имеют свои языки, формирование политических групп по региональному принципу не происходило. В то же время, например, у нас в Дагестане очень сильно развит и регионализм, и, как бы это сказать, формирование по национальному принципу партий или политических групп...

— Мне понятен ваш вопрос, и он очень злободневен и для Грузии, и для Дагестана. Понимаете, образование нации — это процесс. Народ, нация — это большие, исторические категории, которые проходят свою жизнь. И в сегодняшней политической, социально-экономической обстановке этот процесс порождает в каких-то областях такие тенденции, которые вы упомянули. Мы прошли очень долгий путь в истории Грузии, когда были центробежные силы и противоположные — центростремительные. Эти процессы в Дагестане, видимо, проходят несколько другую фазу развития. Я думаю, влияние их очень сильно и не всегда позитивного порядка. Но вы должны пройти через это. Что может объединить? Объединение проходит на уровне культуры, на уровне экономики, социального развития и так далее. Вот вы помните, что творилось в Европе 50—70 лет назад? А сейчас происходит более центростремительный процесс. Так что это трудный процесс. Но мы все пройдем через это. В этом случае я могу сказать на примере своей страны как гражданин: хороший, позитивный результат для каждой семьи и каждого гражданина зависит от того, насколько мы будем целеустремленны в желании спасти грузинскую культуру, грузинский язык, все сопоставляемые единицы — экономика, политика — все должно быть взаимосвязано. А если взять на мизерном региональном уровне, на уровне какой-то деревни, села или этноса, это не приведет к хорошему. Я лично от политики очень далек, но те люди, которые занимаются политикой, они берут на себя большую ответственность. Уверен, что все-таки в объединении и единстве достигается развитие...

автор: Марко Шахбанов